

Алекс Ст★р

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Амир
МОЙ СВОДНЫЙ
Я тебя укрошу, сестрёнка!

Алекс Стар

Мой сводный Амир. Я тебя укрощу, сестрёнка!

<https://litres.ru/73393991>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя мама вышла замуж после смерти папы за его бизнес-партнера, Рустэма Султанбаева, а мне достался "в подарок" сводный брат, Амир.

Он популярный стритрейсер и блогер, который считает себя пупом земли и решил меня перевоспитать.

Только ничего у него не получится. Как только я получу диплом, я уеду подальше от них всех.

— Ты собралась в этом на свадьбу моего отца?! — слышу за спиной грозный рык. — Хочешь опозорить семью Султанбаевых?!

— Не знала, что ты разбираешься в моде, братик, — выплёвываю ему в лицо. — Не нравится — сам и снимай! — выпаливаю сгоряча, и, кажется, он собирается сделать это...

От автора: От автора: **ОЧЕНЬ ГОРЯЧО. ЧУВСТВЕННО. НЕЖНО.**

ВНИМАНИЕ! Могут присутствовать сцены жестокости!

Альтернативный Кавказ.

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	20
5	26
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мой сводный Амир. Я тебя укрощу, сестрёнка!

1

– Ты собралась в этом на свадьбу моего отца?! – вздрагиваю от неожиданности, когда слышу за спиной грозный рык.

Медленно оборачиваюсь, хотя уже прекрасно знаю, кто это. Мой будущий сводный братик.

Амир.

Его глаза горят бешеной яростью, когда он рассматривает моё нарядной вечернее платье, которое я специально надеваю на свадьбу матери, чтобы позлить её.

Ненавижу моего будущего отчима, Рустэма, ненавижу вообще всех этих Султанбаевых! Всем же и так понятно, что это всего лишь договорной брак, чтобы сохранить и не дробить бизнес после смерти моего папы.

Только отчего мне кажется, что моя мать слишком нежно смотрит на его бывшего партнёра, дядю Рустэма? Она предательница, и мне осталось совсем немного: как только я выпущусь из школы, я сразу же уеду, хоть к чёрту на кулички, лишь бы не жить с ними со всеми, не видеть все эти рожи!

Ну а сейчас я пока нагло растягиваю губы в сладкой улыбочке:

– Не знала, дорогой братик, что ты разбираешься в моде... Между прочим, очень дорогое платье, мне его специально выписали прямо из Италии, чтобы успеть к свадьбе моей мамы, – я специально делаю ударение на слове «мама», чтобы поставить этого придурка на место. – А что тебе не нравится? Между прочим, платье было во всех журналах и каталогах, весенняя коллекция, – делаю я шаг навстречу и провожу пальцами по оборкам своего нарядного розового платья.

Ну да, немного откровенное, но и мы не в Средневековье живём, слава Богу.

– На твоих видео твои девушки ещё и не такое носят, – добиваю я своего новоиспеченного «братика».

Амир – известный стритрейсер и блогер, который постоянно нарушает законы и попадает в полицию, и уж кому-кому, а точно не ему учить меня примерному поведению: по интернету гуляют фото с его закрытых вечеринок, где на нём вечно висят гроздьями полуголые грудастые девки.

– Я – мужчина, я – другое, – вдруг подходит он ко мне и жестко берет мой подбородок, сжимает, задирает вверх, так, что я не могу отвести взгляда от его чёрных бездонных глаз, в которых сейчас бушует пламя ярости.

Меня обдаёт жаром его тела, его злости, ноги подкашиваются, но я стараюсь не подать и вида, что я боюсь.

И что-то ещё... Я не знаю, что это, но от этого у меня

застревает ватный комок в горле и в животе становится пусто и холодно, словно его накачали гелием.

– Ты – теперь часть нашего клана. Часть нашей семьи. Султанбаевых. И ты не будешь выставлять напоказ свои титьки перед всеми гостями, которых мы пригласили. Перед уважаемыми людьми, – растягивая слова с насмешкой произносит он, и я его взгляд скользит по моим губам, на которых увядает наглая усмешка.

Спускается ниже, к шее, ключицам, и ныряет в мою супероткровенное декольте, из которого поднимаются и опускаются мои налитые приподнятые пушопом груди.

– Не знала, что ты разбираешься в моде, братик. По мне так отличное платье. Модное. Тебе не нравится, сама его и снимай, – выплёвываю ему в лицо, и вижу, как его чуть полные губы растягиваются в хищной улыбке...

– Отлично. Раз ты так считаешь. Я же теперь твой брат, и должен защищать твою честь, так? Чтобы ты ненароком не опозорила себя сдуру. Так что и наряды тебе я буду выбирать отныне сам, – и я вся холодею от его слов, когда его свободная рука уже тянется к моему банту за спиной, развязывая его...

2

Он не шутит. Его пальцы, сильные и уверенные, дергают за шелковый бант моего платья. Слышу, как лопается тонкая ниточка, державшая всю эту конструкцию. Я замираю, не веря происходящему. Это же мой дом! Моя собственная комната!

– Амир, остановись! Придурок! – вырывается у меня хриплый шепот, но он уже тянет за концы развязавшегося пояса.

Платье, это самое дорогое, самое красивое мое платье, вдруг теряет форму и сползает с плеч. Я инстинктивно хватаюсь за ткань, пытаюсь удержать ее, но Амир одним резким движением стаскивает розовый шелк вниз. Он падает к моим ногам бесформенной яркой лужей.

И я остаюсь стоять перед ним. В одном лишь кружевном белье – черном, откровенном, которое я надела назло, чтобы чувствовать себя сексуальной и опасной даже под своим вызывающим нарядом. Теперь эта моя маленькая тайна выставлена напоказ. Перед ним.

Воздух в комнате становится густым и горячим. Я чувствую его на своей коже – каждый сантиметр обнаженного тела горит под его взглядом. Стыд сжигает меня изнутри, за-

ливаает щеки густым румянцем. Я пытаюсь прикрыться руками, скрестить их на груди, но Амир хватает меня за запястья.

– Зачем ты прячешься? Ты же сама этого хотела – выставить себя напоказ. Как последняя шлюха. Вот и наслаждайся теперь, – его голос низкий, сдавленный.

Но он не смотрит мне в глаза. Его взгляд, тяжелый и медленный, скользит по моей шее, плечам, задерживается на кружевных чашечках лифчика, едва сдерживающих выпрыгивающую из них высокую грудь. Потом опускается ниже, к поясу трусиков, к бедрам, к дрожащим коленям.

И сквозь весь этот жгучий стыд, сквозь унижение, во мне просыпается что-то другое. Что-то темное и запретное. Щемящий холодок в самом низу животика сменяется теплой волной. Мое тело вдруг неожиданно реагирует на его молчаливый осмотр.

Помимо моей воли. Соски наливаются и твердеют под тонкой тканью, я чувствую, как они упираются в тонкое итальянское кружево. Я ненавижу этого козла в эту секунду! Но еще больше я боюсь признаться себе, что мое дыхание сбивается не только от злости и гнева...

Он отпускает мои запястья, и я тут же обнимаю себя, отворачиваюсь, пытаюсь скрыть дрожь.

– Доволен? – шиплю я, глядя в пол. – Всё увидел, что хо-

тел?

Амир не отвечает. Я слышу, как он делает шаг назад. Краем глаза вижу, как он сжимает и разжимает кулаки. Его дыхание тоже неровное. Но когда он говорит, голос снова становится насмешливым и холодным.

– Ничего особенного. Обычная девчонка. Много о себе думаешь, – он отворачивается к моему шкафу и резко распахивает дверцу. – Теперь будешь одеваться прилично. Я сегодня твой кутюрье.

Он начинает рыться в моих вещах, с силой перебирая платье. Я вижу, как напряжена его спина, как играют мышцы под тонкой тканью его рубашки. Он швыряет на стул мое любимое черное платье с глубоким вырезом.

– Слишком вульгарно, в таком только на трассе стоять.

Следом летит голубое, обтягивающее.

– Выглядишь в нём как дешёвая проститутка.

Красное, короткое.

– Это для сельского клуба, а не для свадьбы отца.

Каждое его слово – удар. Я стою в центре комнаты, полу-голая, униженная, и чувствую, как слезы подступают к горлу. Но я не заплачу. Уж точно не перед ним. Перед этим сраным придурком. Я сжимаю зубы и смотрю ему в спину, ненавижу его!

Наконец он останавливается. В его руках – простое белое платье. Длинное, с высоким воротом, с длинными рукавами.

Я купила его когда-то по настоянию мамы, но так ни разу не надевала. Оно висело в самом дальнем углу шкафа.

– Вот. Надевай, – он бросает его на меня, не глядя. Платье пахнет саше из шкафа, запахом чего-то чистого и забытого.

Лаванды и весенних хрупких ландышей.

Я молча поднимаю его. Мои пальцы дрожат. Я не хочу это платье. Я хочу надеть что-то дерзкое, яркое, чтобы все увидели, что я не такая, как они. Я не часть их дурацкой семьи, их клана. Но спорить сейчас – значит проиграть окончательно. Я медленно, стараясь сохранить остатки достоинства, натягиваю платье. Ткань шуршит, скрывая мое тело. Оно оказывается немного великовато, но в нем я чувствую себя... другой. Скрытой. Защищенной. И от этого еще более уязвимой.

Застегиваю молнию сбоку. Подхожу к зеркалу.

И не узнаю себя. Белый цвет делает мою кожу фарфоровой, волосы кажутся темнее, глаза – больше. Я выгляжу хрупкой. Невинной. Девочкой. Словно мне не восемнадцать лет, а всего пятнадцать.

Слышу, как Амир подходит сзади. Он останавливается в шаге от меня, и наши взгляды встречаются в зеркале. Его лицо застыло. В его глазах, всего на секунду, исчезают все насмешки и злость. Я вижу в них что-то другое. Что-то глубокое, потайное. Почти благоговение.

Он смотрит на мое отражение, как на что-то недостижи-

мое и прекрасное. Как на ту самую девочку из своих грез, которую нужно оберегать от всего мира. И от себя самого.

Но мгновение проходит. Он моргает, и его обычная маска испорченного мажора возвращается на место. Он фыркает, отворачивается.

– Ну вот. Теперь более-менее прилично. Не позорь нас на свадьбе.

Он уходит, хлопнув дверью. А я остаюсь стоять перед зеркалом, вся в белом, и чувствую, как по моей спине бегут мурашки. Его взгляд, тот, короткий, настоящий, жжет меня сильнее, чем все его оскорбления. И я понимаю, что игра только начинается. И что я уже не уверена, кто в ней проигрывает.

Но наваждение уходит, и я понимаю, что мне всё это только почудилось.

Проклятый Амир! Теперь мне придётся выглядеть скромницей-монашкой на этой паршивой свадьбе!

Свадьбе, которая не должна была состояться!

3

Белый зал сияет хрусталем и позолотой. Я стою у края танцпола, прижавшись спиной к прохладной колонне, и наблюдаю, как моя мама, сияющая Эмма, кружится в объятиях нового мужа. Рустэм смотрит на нее с таким обожанием, что у меня сводит зубы. Фальшивка. Вся эта история – одна большая, шикарная фальшивка. А я – лишняя актриса в этом спектакле, загнанная в костюм невинной невесты.

Это проклятое платье. Оно висит на мне мешком, скрывая все изгибы, щекочет шею высоким воротником. Я чувствую себя куколкой, завернутой в стерильный бинт. И весь этот образ завершает мой личный тюремщик. Амир. Он стоит напротив, прислонившись к бару, с бокалом виски в руке. Он не сводит с меня глаз. Его взгляд – тяжелый, темный, плотный – я ощущаю буквально физически, как прикосновение. Он наблюдает, как я пытаюсь слиться с толпой, как стараюсь быть невидимкой, и, кажется, читает каждую мою мысль.

Именно это читающее, всевидящее спокойствие и выводит меня из себя. Он думает, что победил? Что заставил меня подчиниться?! Я сжимаю кулаки, и во мне закипает знакомый, горький и сладкий одновременно, бунт. Хорошо. Хочешь контролировать? Увидишь.

Я отталкиваюсь от колонны и делаю шаг навстречу шуму и музыке. На танцполе подергиваются в такт музыке пары, и я ловлю на себе взгляд сына одного из гостей Рустэма – высокого парня с задорной улыбкой. Его зовут Максим. Мы виделись пару раз на светских раутах. Он улыбается мне, и я в ответ растягиваю губы в самой соблазнительной, самой фальшивой улыбке, какую только могу изобразить.

– Танцуешь? – перекрикивает он музыку, приближаясь, и его рука уже тянется ко мне.

Я кладу свою ладонь в его крупную, теплую руку. «Ну а теперь смотри, Амир, смотри», – шепчет во мне ядовитый внутренний голос.

Максим заводит меня в самую гущу танцпола. Музыка громкая, ритмичная, она проникает глубоко внутрь и вышибает из головы все мысли. Я закрываю глаза, отдаюсь движению, позволяю телу извиваться под бит. Я танцую. Танцую так, как будто это мой последний танец. Мое белое платье вздымается вокруг меня, как лепестки какого-то странного цветка, но теперь, в движении, оно уже не кажется мне таким ужасным. Оно подчеркивает хрупкость, которую я хочу разрушить.

Хочу быть сильной. Уверенной. Соблазнительной. Хочу быть настоящей стервой.

Я чувствую спиной, как Максим прижимается ко мне, его руки лежат на моих бедрах, направляя движения. Он гово-

рит что-то на ухо, какой-то комплимент, но я не слышу слов. Я смотрю сквозь шуструю толпу прямо на Амира.

Он не двигается. Все так же стоит у бара, но бокал уже пустой. Его поза излучает ледяное спокойствие, но я вижу, как напряжена его шея, как сведены скулы. Его глаза буквально прожигают меня насквозь. В этом взгляде нет уже ни насмешки, ни холодности. Там горит что-то первобытное, дикое, хищное. Этот взгляд говорит мне больше, чем тысячи слов. Он говорит: «Ты не смеешь быть ещё с кем-то. Ты только моя».

И от этого что-то щелкает внутри меня. Не страх, нет. Азарт. Опасное, пьянящее возбуждение. Я хочу разжечь этот огонь в нем еще сильнее. Хочу увидеть, в какой момент он сорвется.

Я поворачиваюсь к Максиму лицом, обвиваю руками его шею и прижимаюсь к нему всем телом. Я закидываю голову назад, смеюсь громко и вызывающе, позволяю ему держать меня за талию так близко, как только возможно. Я ловлю себя на том, что ищу в толпе черные глаза Амира, жажду каждый раз встречаться с ними взглядом, чтобы видеть, как в них бушует та темная, манящая буря.

Он смотрит на меня, и я танцую только для него. Каждое движение, каждый изгиб – это вызов, насмешка, приглашение. Я вижу, как его пальцы сжимают край стойки бара так сильно, что белеют костяшки. Вижу, как он резко отворачивается и выходит из зала, с силой отодвинув кого-то из го-

стей.

И тут наступает тишина. Музыка словно стихает. Победа? Тогда почему у меня дрожат колени и перехватывает дыхание? Почему по телу разливается жар, не имеющий ничего общего с танцем?

– Спасибо, – бормочу я ничего не понимающему Максиму, с которым только что танцевала и флиртовала. – Мне нужно немного отдохнуть...

Свадьба заканчивается поздно. Я молча еду в машине с мамой и Рустэмом в их новый дом – роскошный особняк на закрытой территории. Амир уехал на своем спортивном «Порше» еще раньше, даже не попрощавшись. Мама что-то щебечет о прекрасном вечере, а Рустэм нежно держит ее за руку. Я смотрю в темное окно на мелькающие огни и чувствую себя опустошенной. И почему-то обманутой.

Мне показывают мою комнату. Она огромная, с собственной ванной и балконом, оформлена в бежево-кремовых тонах. Все дорого, безвкусно и безлико. Как номер в пятизвездочном отеле. Я скучаю по своему старому дому, где мы жили с папой, когда он ещё был жив...

Я принимаю душ, смывая с себя запах праздника, чужих духов и пота. Вода горячая, почти обжигающая, но она не может смыть то ощущение, что осталось на коже – память о взгляде Амира. Я заворачиваюсь в мягкий халат и падаю на

огромную кровать.

Темнота за окном кажется непроницаемой. Я лежу без сна, прислушиваюсь к тишине нового дома. Где-то далеко скрипнула дверь. Чьи-то шаги? Или мне показалось? Я закрываю глаза и стараюсь ни о чем не думать.

Сон накатывает внезапно, тяжелый и густой, как сироп.

Мне снится, что я все еще лежу в этой кровати. Но я не одна. Я чувствую чье-то присутствие еще до того, как слышу шаги. Дверь в мою комнату бесшумно открывается. Я хочу закричать, повернуться, но не могу пошевелиться. Сонный паралич.

Я чувствую, как кто-то подходит к кровати. Останавливается рядом. Дыхание ровное, глубокое. Я чувствую исходящее от этого тела тепло. Оно приближается. Я чувствую легкое дуновение на своей щеке, потом на шее. Это мужчина. Он наклоняется ко мне.

Его пальцы, нежные и уверенные одновременно, касаются моего виска, отодвигают прядь волос. Потом ладонь скользит по моей щеке, обжигая кожу. Большой палец проводит по линии скулы, касается уголка губ. Я замираю, сердце колотится где-то в горле. Я должна бояться. Но я не боюсь. Во сне это кажется... правильным. И желанным одновременно.

Его рука опускается ниже, скользит под мою шелковую пижамку, касается обнаженной кожи ключицы. Пальцы медленно, словно исследуя, проводят по линии плеча, потом

вниз, к груди. Я непроизвольно выгибаюсь навстречу прикосновению, и тихий стон застревает у меня в горле.

Он наклоняется еще ниже. Его губы касаются моей шеи. Сначала это легкое, почти невесомое прикосновение. Потом оно становится настойчивее. Я чувствую тепло его дыхания, влажность языка, который проводит по чувствительной коже у основания шеи. Я закрываю глаза, тону в этом ощущении. Это сладко. Слишком сладко, чтобы быть правдой.

Его рука ласкает мою грудь через тонкую ткань ночнушки, большой палец находит напряженный сосок и задерживается на нем, вызывая волну жара, которая растекается по всему телу, стреляет в самый низ живота. Мое тело отвечает ему, предает меня, выдает всю ту потаенную страсть, которую я пытаюсь подавить наяву.

– Амир... – вырывается у меня шепот. Я не знаю, откуда я знаю, что это он. Но я знаю. Это он.

И в этот момент я открываю глаза.

Он здесь. Прямо надо мной. Его лицо так близко, что я могу разглядеть тени от длинных ресниц, падающие на скулы, губы, слегка приоткрытые, влажные от моего тела. Его глаза смотрят в мои, и в них – та самая буря, которую я видела на свадьбе. Только теперь он её не сдерживает.

– Ты... – пытаюсь я сказать, но он не дает.

Его губы находят мои. Это не нежный поцелуй. Это захват без объявления войны. Его рот горячий, влажный, настойчивый. Он пьет меня, забирает мое дыхание, мои мысли. Я

тону в этом поцелуе, отвечаю ему с той же дикой силой, впи-
ваюсь пальцами в его волосы, чувствую под ладонями жест-
кие густые пряди.

Его рука оттягивает резинку шёлковых шортиков. Ладонь
скользит по моему животу, внутренней стороне бедра. Его
прикосновение обжигает голую кожу. Он ласкает меня, его
пальцы двигаются все увереннее, ниже, туда, где пульсирует
жар, где я уже готова на всё, влажная и горячая. Я кричу ему
в рот, мое тело выгибается, требуя большего...

И тут весь мир взрывается светом.

Я резко открываю глаза и сажусь на кровати. Сердце ко-
лотится, как сумасшедшее. Губы горят. Все тело пылает. Я
одна. По комнате разливается тусклый свет раннего утра
сквозь жалюзи. Никого.

Был сон. Всего лишь сон. Жаркий, влажный, невероятно
реальный сон.

Я падаю на подушки, закрываю лицо руками. Стыд нака-
тывает волной, жаркой и густой. Боже мой, что со мной? Что
это был за сон? Я представила его... его руки на мне... его
поцелуй... Я провожу пальцами по губам. Они все еще го-
рят. А внизу живота пульсирует то самое настойчивое, наг-
лое и требовательное желание.

Я не могу уснуть. Лежу и смотрю в потолок, пока за ок-
ном не светлеет окончательно. Этот сон чувствуется реаль-
нее, чем вся вчерашняя свадьба.

4

Утром я долго не решаюсь выйти из комнаты. Но голод и жажда заставляют меня пересилить себя. Я надеваю джинсы и простую футболку, стараясь выглядеть как можно незаметнее.

Спускаюсь на кухню. Она огромная, вся в белом мраморе и хrome. И... он уже здесь.

Амир сидит за барной стойкой, пьет кофе и листает ленту на телефоне. На нем черные спортивные брюки и серая футболка, обтягивающая мощный рельеф груди и плеч. Утреннее солнце золотит его кожу, отражается в черных, еще сонных глазах.

Он поднимает на меня взгляд. Обычный, холодный, отстраненный. Никакой бури. Никакого намека на ту страсть, что пылала в нем во сне.

– Привет, – бросает он небрежно и снова утыкается в свой мобильный.

– Привет, – выдавливаю я и направляюсь к кофемашине. Мои руки слегка дрожат. Каждый звук, который он издает – глоток кофе, щелчок по экрану – отзывается во мне громким эхом. Я стою к нему спиной, готовлю кофе и чувствую его взгляд на себе. Или мне снова кажется?

Меня уже самую бесит, что мне слишком много всего ка-

жется!

Этот придурок словно забрался мне под кожу, растекся по веном сладким отравленным ядом, прокрался в мои самые потайные мысли, украл мои самый постыдные желания...

Я представляю, как он подходит ко мне сзади, прямо как вчера в моей комнате. Как его руки скользят по моей талии, как губы касаются моего плеча... Как в том сне. Я резко оборачиваюсь.

Но он все так же сидит и пялится в телефон. Совершенно равнодушный.

Я уверена, что я начинаю сходить с ума. Надо это прекращать! В конце концов, у меня была куча парней и до этого придурка, пока у меня не случилось всё, что случилось с моим папой...

А теперь и мне пора бы уже расстаться со своей никому не нужной девственностью. Ах да, наверное, она нужна только клану Султанбаевых, и я прыскаю от смеха себе под нос.

Наливаю кофе и собираюсь быстро уйти, но Амир поднимает на меня глаза.

– Мама с Рустэмом уехали на неделю, медовый месяц, – сообщает он деловым тоном. – Так что правила просты: не шуми, не устраивай вечеринок, не приводи сюда никаких ушлепков, иначе всем будет больно, ясно? Я за этим прослежу. Веди себя как порядочная девочка из хорошей семьи.

Мама уехала? И оставила меня наедине с этим козлом?

Который решил, что может мне приказывать?!

Слезы злости подступают к глазам, покалывают в носу, но я не покажу этому придурочному стритрейсеру, что мне до боли обидно и больно.

– Ты забыл. Мы не на Кавказе, – чеканю я ему в ответ. – И я никогда не стану тихой восточной женщиной. А ещё ты забыл, что я тебе не сестра. Ты вообще мне никто, – стараюсь выглядеть уверенно, но перед глазами всё ещё стоит вчерашний сон.

Мне все время кажется, что он все видит, все читает по моему раскрасневшемуся лицу.

Разворачиваюсь и выхожу из комнаты.

Мне вдруг резко расхотелось есть.

Проходит несколько дней. Дни тянутся медленно и тоскливо. Мы с Амиром живем на разных этажах, я его практически не вижу. Он целыми днями где-то пропадает, а я брожу по пустому дому, стараясь не думать ни о чем. Но мысли всегда возвращаются к тому сну. И к нему.

Стараюсь отвлечь себя учёбой: скоро экзамены, а потом я навсегда уеду из этого дома, и больше не увижу ни мать, которая предала меня, ни Рустэма с его зарвавшимся сыночком.

В один из таких дней ко мне приезжает в гости Ольга, моя лучшая подруга. С ней еще пара наших одноклассниц из тусовки. Я рада девчонкам, они разгоняют гнетущую атмосфе-

ру одиночества. Мы сидим у бассейна, пьем лимонад, я стараюсь вести себя обычно, смеюсь над нашими общими шутками и приколами.

– Боже, Милка, ты живешь как в сказке! – восхищается одна из девочек, глядя на особняк. – И новый брат у тебя тот еще красавчик! Тот самый Амир Султанбаев? Стритрейсер, на которого я подписана?

Я чувствую, как у меня всё холодеет внутри. «Брат». Это слово режет слух.

– Да, он самый, – равнодушно отвечаю я.

– А где он? Познакомь нас! – не унимается подруга.

В этот момент распахивается дверь, и к бассейну выходит он. Амир. В одних плавках, с полотенцем на плече.

Его тело... Оно именно такое, каким я его представляла в своих самых грязных влажных фантазиях. Рельефный пресс, широкие плечи, мощные бицепсы. Капельки пота после тренировки блестят на загорелой смуглой коже. Он лениво направляется к бассейну, абсолютно не обращая на нас внимания.

Как голодный тигр на водопой. Или кот.

Подруги замирают, разинув рты. Мне кажется, что у них сейчас потекут слюнки с их пухлых перламутровых губок.

Ольга вскакивает, поправляет на хожу волосы. Я вижу, как загораются ее глаза. Ольга всегда любила внимание красивых парней. В отличие от меня она уже точно распрощалась со своей девственностью, которая в наше время не в цене.

Амир подходит к краю бассейна, собирается нырять.

– Амир, привет! – звонко кричит ему Ольга.

Он оборачивается. Его взгляд скользит по нам, задерживается на Ольге. И... О, Боже. Он улыбается. Широко, открыто, приветливо. Так он никогда не улыбается мне.

– Привет, – кивает он. – Милана, это твои подруги?

– Да, – коротко отвечаю я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

– Приятно познакомиться, – Ольга встает и делает пару шагов к нему. Она сегодня в крошечном бикини, ее стройное тело переливается шоколадным бронзатором для кожи. – Я Ольга.

– Амир, – он протягивает ей руку, и он задерживает её руку в своей. Его взгляд скользит по ее фигуре без тени осуждения, с чисто мужским аппетитом. – Милана никогда не говорила, что у нее такие красивые подруги.

Я смотрю на эту сцену, и не верю своим ушам. Он грубит мне, унижает, контролирует каждый мой шаг. А с Ольгой... Он вежлив, обаятелен, даже флиртует! Вот сволочь!

– Я как раз большая поклонница твоего канала. Твоя фанатка, – продолжает Ольга, кокетливо запрокидывая голову, и её груди аппетитно подпрыгивают в узком лифчике, как два упругих мяча. – Ты просто бог скоростей!

Амир смеется. Звук его смеха, такого естественного и свободного, режет меня по живому.

– Тогда приходи как-нибудь на гонки, покатаю, если хо-

чешь экстрима, – и в его устах это звучит не то что как намек, а как самое настоящее приглашение к сексу!

Ольга вспыхивает от восторга:

– Правда? С огромным удовольствием! – мурлычет она с развратной призывной улыбкой, и мне кажется, она уже готова вся растечься по качельному полу перед этим самолюбленным придурком.

Они продолжают болтать, абсолютно забыв о моем присутствии. Я сижу и смотрю, как он улыбается ей, как он смотрит на нее. И этот взгляд... Он совсем не такой, как он смотрит на меня. Он легкий, непринужденный. Оценивающий. Так смотрят на симпатичную девушку, когда прикидывают шансы трахнуть её...

Он не борется с искушением, с нескрываемым вожделем рассматривая её. Он просто наслаждается этой игрой.

А на меня он смотрит так, как будто я – его главное наказание.

И глядя на них, на эту идиллическую картинку, я понимаю одну простую и ужасную вещь. Мне не все равно. Мне не все равно, как он смотрит на других. И от этой мысли становится еще больнее.

Я должна избавиться от этого наваждения.

В мире, в конце концов, полно других парней, и тут у меня в голове рождается план...

5

Я сижу с каменной улыбкой и наблюдаю, как Ольга висит на шее моего сводного, а он снисходительно позволяет ей это. Мне нужно это остановить.

Выжечь моё это странно чувство к нему каленым железом. Мне нужен кто-то другой. Взамен. Любой. Лишь бы не он.

Как только Амир ныряет в бассейн, а подруги, взвизгивая, разбегаются, я хватаю Ольгу за руку и тащу ее в дом.

– Что такое? – удивленно спрашивает она, ее глаза еще блестят от встречи с ним.

– Ты же хочешь пойти на эти гонки? – выпаливаю я, запирая дверь моей комнаты. – Бешеные идиотские гонки Амира и его дружков?

Ольга заинтересованно приподнимает бровь.

– Да. В эту субботу. На закрытой трассе за городом. Приглашали только своих. Но Амир сказал, что я могу приехать.

– Возьми меня с собой, – требую я, и голос мой звучит хрипло, незнакомо.

Ольга смотрит на меня с недоумением, а потом ее взгляд становится понимающим, почти хищным. Она улавливает что-то в моих глазах – боль, злость, отчаяние.

– Милка... Ты же всегда плевалась на этот «тусовочный

треш», как ты говорила. А твой братец... Он вроде как против.

– Никакой он мне не братец! – выкрикиваю я, и голос срывается. – И мне плевать, что он там против. Я хочу поехать. Я должна поехать. Мне вообще насрать на него, как ты не понимаешь?! Хочу просто нагадить ему! Почему он считает, что вообще имеет право указывать, как мне жить?!

Ольга медленно обходит меня, оценивающе осматривая, как товар на витрине. Ее взгляд скользит по моей скромной футболке и джинсам.

– Ну... не в этом же виде, детка. Там свои правила. Там все по-взрослому. Ты точно готова?

Я готова. Я готова на все. Я киваю, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

– Отлично, – лицо Ольги расплывается в сладкой, ядовитой улыбке. – Тогда, сестренка, готовься. В субботу мы устроим ад твоему милому братику. Или... рай? Смотря для кого.

Суббота. Я стою перед зеркалом в своей гардеробной и не узнаю свое отражение. Черное кожаное мини-платье, которое Ольга привезла мне «на пробу», облегает каждую выпуклость, каждую впадину. Оно такое короткое, что при малейшем движении открывает белую кожу бедер.

Вырез такой глубокий, что становится стыдно за буквально выпрыгивающую из него грудь. Чулки с ажурными стрел-

ками, которые я сама натянула дрожащими руками, невероятные черные лаковые ботфорты на шпильке, в которых я едва могу стоять.

Я похожа на куклу.

На продажную латексную куклу.

Но именно этого я и хотела, правда?

– Идеально, – мурлычет Ольга, заталкивая меня в свой раздолбанный кабриолет. – Он с ума сойдет. Ты прямо как самая развратная шлюшка из тусовки.

Я не стала уточнять подруге, кого именно я хочу сегодня свести с ума. Возможно, я имела в виду Джихана, нового соперника Амира, о котором Ольга с восторгом трещит всю дорогу.

Молодой, богатый, дерзкий. И, что самое главное, ненавидящий Амира лютой ненавистью. Идеальный кандидат для исполнения моего плана.

Когда мы подъезжаем к месту, мое сердце колотится где-то в горле. Это заброшенный завод, окруженный высоким забором. Глухой рокот моторов бьет в уши, смешиваясь с криками и музыкой. Воздух густой от запаха бензина, пота и дорогого парфюма.

Мы входим внутрь. И попадаем в ад. Преисподнюю из неона, хромированного металла и полуголых тел. Вокруг толпятся девушки, одетые еще откровеннее, чем я. Они ви-

сят на руках у парней с пустыми глазами и бутылками пива, смеются слишком громко, заигрывают с гонщиками, которые прогревают свои монстро-машины.

И вот я вижу его. Амира. Он стоит рядом со своим низким спортивным автомобилем цвета мокрого асфальта. На нем темная куртка, джинсы. Он говорит с кем-то, его лицо сосредоточено, но я вижу напряжение в его скулах.

И я вижу Ольгу. Она уже подошла к нему, скользнула рукой по его плечу, встала на цыпочки и что-то шепчет ему на ухо. Он отстраняется, но не резко, а как-то устало. Его взгляд блуждает по толпе.

И вдруг он останавливается на мне.

Его глаза расширяются. Сначала непонимание, потом шок, а затем... затем в них вспыхивает такой огонь ярости, что мне кажется, будто он сейчас подойдет и прильнет ко мне прямо здесь, на месте. Он смотрит на мое платье, на мои ноги в этих дурацких развратных чулках. Он видит весь мой вызывающий, жалкий наряд.

Его пальцы сжимаются в кулаки.

Я чувствую прилив дикой, животной радости. Да! Именно этого я и хотела! Чтобы он увидел. Чтобы его это всё выбесило. Такого же эффекта я ожидала?

В этот момент ко мне подходит он. Джихан. Такой же высокий и статный, как Амир, но с другой, более хищной и на-

смешливой улыбкой.

– Ольга привела нам самое настоящее сокровище, – его голос скользит по моей коже, как шелк. Он берет мою руку и подносит ее к губам. Его взгляд пьет меня, медленный, оценивающий. – Милана, да? Я слышал о тебе. Ты же вроде как сводная сестра Амира? Но не ожидал, что ты... такая красивая.

Я заставляю себя улыбнуться. Широкая, открытая, порочная улыбка.

Я вижу, как Амир застывает, наблюдая за нами издали. Ольга обнимает его за талию, прижимается, пытаюсь отвлечь, но он даже не смотрит на нее.

– Приятно познакомиться, Джихан, – мурлычу я в ответ, и мой голос звучит увереннее, чем я себя чувствую. – Я болею за тебя сегодня.

Джихан смеется, его глаза блестят от азарта:

– Ну тогда победа будет за мной. Обязательно.

Он уходит, оборачиваясь на меня, а я продолжаю улыбаться этой идиотской улыбкой.

Мне нужно в туалет. Мне нужно прийти в себя. Я борюсь с желанием убежать, содрать с себя это платье и смыть всю эту грязь.

– Туалет? – спрашиваю я у первой попавшейся девчонки, и она машет рукой в сторону темного прохода между колоннами.

Я иду, спотыкаясь на своих каблуках.

Здесь темно, пахнет пылью и маслом. Я ищу дверь и вдруг слышу приглушенные звуки. Шепот. Стоны. Я замираю.

За углом, в глубокой тени, я вижу две фигуры. Он. Амир. И она. Ольга.

Она стоит на коленях перед ним. Ее руки лежат на его поясе. Его голова запрокинута, глаза закрыты. Ее голова ритмично движется... Я вижу все. Каждый жуткий, отвратительный момент. Я вижу, как его пальцы впиваются в ее волосы. Слышу тихий, влажный звук.

Мир вокруг меня рушится. Земля уходит из-под ног. Я не могу дышать. Сердце не бьется, а просто разрывается на тысячи окровавленных осколков где-то глубоко внутри. Это правда. Все, что я подозревала. Он – бабник. Развратник. Он спокойно позволяет это делать моей лучшей подруге. Прямо здесь.

В грязи.

Я отступаю, спотыкаюсь о какой-то ящик. Амир открывает глаза. Его взгляд сталкивается с моим. В его глазах нет ни стыда, ни смущения. Только шок. И снова та самая ярость. Он делает шаг ко мне, но я уже бегу. Бегу прочь от этого кошмара, давясь слезами, которые подступают комом к горлу.

И теперь я знаю, что должна довести дело до конца.

Я возвращаюсь к трибунам. Лицо горит, в глазах стоит ту-

ман. Джихан подходит ко мне с обеспокоенным видом.

– Ты в порядке, Милана? Ты такая бледная.

– Все отлично, – перебиваю я его. Мой голос снова под контролем. Теперь – навсегда. – Просто немного замерзла.

Я позволяю ему обнять меня за талию. Его рука тяжелая, властная. Я прижимаюсь к нему, ищу в его теле тепло, которого нет. Вижу, как Амир выходит к своей машине. На его лице снова равнодушная маска.

Он бросает на нас взгляд, полный такой лютой ненависти, что мне становится физически больно.

Ольга семенит рядом с ним, довольная, как кошка, слизавшая сливки. Она медленно проводит языком по губам, сладострастно, и смотрит на Амира, который садится в машину.

Сигнал к началу. Рев моторов заглушает все мысли. Джихан уходит к своему автомобилю, я кричу ему что-то ободряющее, машу рукой. Я вижу, как Амир смотрит на меня сквозь лобовое стекло. Его взгляд прожигает стекло и кожу.

Старт! Машины срываются с места, оставляя за собой клубы дыма и резины. Они несутся по трассе, две тени, сплетенные в смертельном танце. Я не слежу за гонкой. Я смотрю только на него. На его черную молнию.

Он ведет. Он всегда лидирует. Но я вижу, как его машину немного заносит на вираже. Он смотрит не на дорогу. Он поворачивает голову и смотрит на меня.

Внезапно его машина выходит из поворота слишком резко. Слишком поздно. Потеря контроля на доли секунды. Но на такой скорости это смерть. Раздается оглушительный звук удара, скрежет металла о бетонное ограждение.

Все замирает. Рев моторов стихает. Только тишина, разорванная криками. Его машина, смятая, дымится у обочины. Нет. Нет-нет-нет-нет-нет.

Это я. Это я своим кокетством, своей ненавистью, своей глупой, детской мстью... Я его убила.

Мир превращается в черно-белое пятно. Я не чувствую ног. Не слышу собственного крика. Только вижу это дымящееся железо. И понимаю, что ненавижу его не потому, что он мой сводный брат. А потому, что он – единственный, кто заставляет мое сердце биться так бешено. И теперь его нет.

Нет. Это неправда. Он не мог... Он...

6

Время остан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.